

БИБЛИОГРАФІЯ

Иван Бунин. — Освобожденіе Толстого. — YMCA-Press. — Париж, 1937.

Основная тема книги Бунина — истолкованіе того послѣдняго этапа жизненнаго пути Толстого, который принято называть его «уходом». Бунин его называет «освобожденіем». Освобожденіем от — чего? От яснополянскій обстановки, от семейныхъ неладов? От всего того, что составляетъ главный предметъ интереса «психологизирующихъ» или морализирующихъ біографовъ? Нѣтъ, от «Смерти» — и Бунинъ приводитъ слова Толстого: «Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышленія и что сущность жизни внѣ этихъ форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ освобожденіе отъ нихъ... — и прибавляетъ: «въ этихъ словахъ, еще никѣмъ не отмѣченныхъ, главное указаніе къ пониманію его всего». С этой точки зрѣнія «старецъ Левъ изъ Ясной Поляны» сопричисленъ у Бунина къ лику благородныхъ юношей, покинувшихъ родину ради чужбины», каковы «Царевичъ Готама, Алексѣй Божій Человѣкъ, Юліанъ Милостивый, Францискъ Ассизскій». Благодаря такому подходу, Бунинъ далъ не біографію Толстого, а **легенду** его — въ подлинномъ смыслѣ слова: легенда — то, что во всѣ вѣка надо читать о томъ, кто оставилъ по себѣ поистинѣ **вѣчную** память. Легенда соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ у древнихъ былъ **миф** — сказаніе о человѣкѣ, созданномъ силою поэтическаго творчества, какъ о воплощеніи извѣстной вѣчной идеи. Конкретный, когда — то существовавшій на землѣ человѣкъ обращается, въ легендѣ, въ **мифическій** образъ — не въ томъ, конечно, смыслѣ, что ему приписываются свойства, которыхъ онъ былъ лишенъ, и поступки, которыхъ онъ не совершалъ, а въ томъ, что образъ этотъ освобожденъ отъ всего случайнаго, принадлежащаго «исторіи», и что тѣмъ ярче выступаютъ его внѣвременныя, «существенныя» черты, его чистая **идея, форма**. Именно **форма**, а не **формула**.

Бунинъ пересматриваетъ всѣ извѣстнѣйшіе опыты дать «формулу» Толстого и вскрываетъ ихъ несостоятельность, фальшь, нежизненность, односторонность; самъ же отъ такого опыта сознательно воздерживается, слѣдуя въ этомъ Толстому, который, какъ извѣстно, никогда не давалъ отъ себя «характеристикъ» своихъ персонажей.

Но въ чемъ состоитъ это тождество личности въ ея многообразіи? Какъ понять это? Здѣсь коренное различіе между «каждымъ человѣкомъ» и человѣкомъ калибра Толстого. Общее у того и другого въ томъ, что оба —

переменныя величины. Живое существо не статично, а динамично; жизнь, развитие — борьба за преобладаніе какой - либо одной тенденціи. Каждый человекъ съ годами все болѣе и болѣе суживается и в этом смыслѣ «самоопредѣляется».

Чѣм человекъ ближе к концу, тѣм становится духовно богаче, всечеловѣчнѣе, и тѣм сильнѣе его влеченіе слиться со Всеединным, освободиться от своей ограниченности. Почему все-таки столь разнообразны, столь несхожи между собою **образы** святых? Достиженіе **совершенства** — есть-ли это окончательное преодоленіе принципа индивидуаци, побѣда над Я? Бунин вспоминает послѣднія слова Толстого: «Все Я... все проявленія... довольно проявленій... вот и все...» — и ставит вопрос: что было - бы, если - бы оптинскій старец, о. Варсонофій, явившійся к Толстому в Астапово, был допущен к нему: «Можно предположить: примирене умирающаго с Церковью. Но развѣ это уничтожило бы смысл его бредовых слов?.. Смысл их слишком велик, уничтожить его не могла жизнь».

Сказал - же сам Толстой незадолго до смерти (В. Ф. Булгакову, цит. у Бунина, 21), что он «разлюбил Евангеліе». И вмѣстѣ с тѣм, как раз тогда он стучался во врата Оптинской обители. Ясно, что здѣсь — какая-то «загадка Толстого». Вернемся к сопоставленію, сдѣланному Буниным: **старец** Лев и благородные **юноши**, Будда, св. Франциск и др. Показательно уже то, что к «освобожденію» первый пришел лишь старцем, а послѣдніе два — юношами. Один итальянскій писатель уже сдѣлал сопоставленіе Толстого со св. Франциском.

Жестокая критика, которой Бунин подверг его толкованіе, конечно, заслужена автором. Сродство Толстого со св. Франциском у Бунина показано с полной убѣдительностью. Но вмѣстѣ с тѣм и его сродство с Буддою. А между тѣм, — как далеки друг от друга Будда и св. Франциск. Путь Будды был дѣйствительно путем освобожденія от «проявленій», — и это далось ему без труда, ибо «проявленія» не только сознавались, но и переживались им всего лишь как «призраки», «обманы зрѣнія». Будда и мог прижизненно умереть, отвлечься от «эмпиріи». Что до св. Франциска, то вѣдь он с «проявленіями» никогда и не боролся, потому что Бог для него **жил** в этих «проявленіях», в страхах птичках, братѣ - Солнцѣ и даже братѣ - волкѣ, — так же, как и в сестрѣ - Смерти. Путь Толстого совмѣстил в себѣ и Будду и св. Франциска. **Как** возможно подобное совмѣщеніе — попытаться разгадывать это, значило бы впасть в грѣх произвольнаго и бесплоднаго психологизированія.

Если вчитаться в проникновеннѣйшую и правдивѣйшую книгу Бунина, станет очевидно, что к «освобожденію» Толстой влекся всю свою долгую жизнь, что вся она была сплошной цѣпью «уходов» и что каждый раз он останавливался на перепутьѣ: один из путей это был путь Будды, другой — св. Франциска. Бунин называет раз еще одно имя — Шопенгауэра. Но нигдѣ у него нѣтъ упоминанія о Руссо. Вліяніе Шопенгауэра на Толстого было весьма значительно. Тѣ слова Толстого, которыя для Бунина представляются ключем к пониманію «всего Толсто-

го», навѣяны Шопенгауэром. Но вліяніе Руссо было не меньшим. Руссо был его первой любовью и, отрекаясь от столь многих увлеченій и привязанностей, от Руссо он не отрекался никогда.

Чѣм - же был для Толстого Руссо. Только - ли апостолом «опрошенія», отказа от «культуры»? Так принято считать. Руссо вѣдь раздѣлил судьбу Толстого: никого, кажется, так не «упрошали» и не опошляли, как их обоих. Истинный, умопостигаемый, «идеальный» Руссо, — воплощеніе не отрицанія, а утвержденія личнаго начала. Конфликт Шопенгауэра и Руссо по существу — то же самое, что конфликт Будды и св. Франциска.

По человѣческому разумѣнію, или — или. Или «мір как воля и представленіе», или — «Исповѣданіе вѣры Савойскаго викарія». Или «Нирвана», раствореніе Я во Всеедином, т. е. отрицаніе личнаго безсмертія, или — августино - дантовскій град Божій, единеніе чистых Душ в их любви к личному Богу. Разумное примиреніе одного с другим исключается. Разум требует выбора. А в то же время человѣческое сознаніе в теченіе вѣков мучительно и настойчиво домогается какого-то синтеза — «Разума» и «сердца», или пользуясь древними терминами, сейчас возстановленными, хотя в нѣсколько ином значеніи, — освобожденія «духа и души». Толстой этого духовнаго опыта не пережил. Но если взглянуть на все его творчество в свѣтѣ удивительной бунинской легенды, станет ясно, что именно к этому опыту он шел.

П. Бицилли.

Charles Plisnier. — Faux Passeports.—Editions Correa.—Paris. P. 339.

Автор «Фальшивых Паспортов» — бельгіец Плинье — был кандидатом еще в прошлом году на полученіе преміи Гонкуров, за роман «Браки». Отчасти в порядкѣ компенсаціи за прошлое, почетнѣйшее во Франціи литературное отличіе было присуждено Плинье в этом году за «Фальшивые Паспорта», — произведеніе болѣе слабое, по единодушному отзыву критики, чѣм «Браки».

«Фальшивые Паспорта» принадлежат к тому жанру литературы, который может быть назван **романсированным репортажем**: в этом жанрѣ пишут свои «романы» и небезызвѣстные братья Таро. Плинье описывает реально бывшее и пережитое, но вносит в описаніе вымысел, — не всегда руководясь при этом одними литературными требованіями. «Тот, кто в этой книгѣ говорит «я», хотѣл бы сохранить нѣкоторую таинственность», — предупреждает автор в подписанном им предисловіи. «Роль романиста не может состоять в том, чтобы давать пищу общественному любопытству, и еще того меньше, — чтобы указывать полиціи или партійным комитетам живых людей, выведенных в качествѣ дѣйствующих лиц произведенія», — прибавляет он нѣсколько неожиданно.

«Фальшивые Паспорта» — собраніе новелл, посвященных «воспоминаніям агитатора», члена коммунистической партіи из лѣвой оппозиціи. Дѣйствующія в отдѣльных новеллах лица — подвижники и святые, иконизированные: испанская аристократка Пилар, сблизившаяся с террористом Морером и возвращающаяся к «своим», когда Испанія стано-